Чжан Фугуй, чей пухлый лоснящийся лик был сплошь покрыт потом, выглядел так, словно примчался сюда прямо из студии, не успев даже передохнуть. Он тяжело дышал, а в тот момент, когда нахмурившись, бросил взгляд на Люлю, дыхание его едва не прервалось.

— Боже мой, да сколько же крови потерял Сяо Чэнь!

Глава 15. Узнали

Трое стояли в молчании, понимая, что сейчас остается только ждать, а любые слова будут бессмысленны. Поэтому оставшееся время каждый проводил по-своему: кто-то сидел, отрешенно глядя в одну точку, кто-то пребывал в тревоге, а кто-то метался по коридору взад-вперед.

Неизвестно, сколько прошло времени, но дверь операционной наконец распахнулась. Вышедший врач поинтересовался:

— Кто здесь родственники пациента?

— Я. — Фу Циньлинь преодолел расстояние в три шага, готовый хоть сейчас взлететь к врачу, лишь бы узнать, что случилось с его Сяо Чэнем.

— Никаких проблем, — полноватый врач искоса взглянул на Фу Циньлиня, окинул его оценивающим взглядом и добавил: — Кровопотеря небольшая, сейчас состояние уже стабилизировалось. А то, что на одежде вашего друга столько крови — так это выглядит страшно лишь потому, что он, должно быть, очень нервничал, вот пот и размазал ее.

Услышав слова врача, Люлю беззвучно вытерла ладони, вспотевшие от напряжения, о свои брюки. И правда — на ткани осталось красное пятно.

Врач уже собрался было уходить, но Фу Циньлинь ухватил его за рукав:

— Вы уверены, что все в порядке?

— Все в порядке. Просто у него были слишком сильные перепады настроения, а организм сейчас ослаблен, к тому же стенки матки тонкие, вот и возникло небольшое кровотечение. У беременных такое бывает, не переживайте, — медленно проговорил врач, снова скользнув взглядом по лицу Фу Циньлиня: — Вы что, в последнее время возили его в дальние поездки?

— Это из-за этого? — внутри у Фу Циньлиня всё сжалось.

— И да, и нет. Питание ему нужно усиленное, но при этом не стоит слишком опекать — двигаться нужно, а не сидеть постоянно на одном месте. — Врач поправил очки, его взгляд

задержался на красивых глазах и волевых бровях Фу Циньлиня, и наконец он задал вопрос, который нарушал все профессиональные этические нормы: — Вы ведь Фу Циньлинь?

Фу Циньлинь замер, переглянулся с Чжан Фугуем и, словно приняв окончательное решение, твердо ответил:

— Да, это я. Тот, кто внутри — мой супруг.

— Оу. — Полный врач улыбнулся ему, словно одобряя такую искренность. Больше он ничего не сказал, просто вошел обратно в операционную и плотно закрыл за собой дверь.

Люлю и Чжан Фугуй стояли в полном недоумении. Лишь Фу Циньлинь остался стоять на месте; казалось, он даже не думал о последствиях — его волновал только Сяо Чэнь. Его Сяо Чэнь. Лишь бы с ним всё было хорошо.

— Ох, конец, брата Фу узнали. Только что ведь опровергли слухи об отношениях с Цзян Цинъянь, а теперь, если завтра всплывет что-то другое, что нам делать? — Люлю грызла ногти, ее глаза покраснели, она еще не успела оправиться от пережитого испуга.

Если она погубит жизнь сокровища своего босса, то, скорее всего, сама долго не протянет.

— Этот врач наверняка повидал немало сплетен, в таких больницах вечно случаются странные истории. В крайнем случае, я потом с ним поговорю, — Чжан Фугуй выдохнул с облегчением. — Главное, что человек в порядке, а то кое-кто чуть до смерти не перепугался. Вот так живешь — и даже вздохнуть спокойно нельзя.

Фу Циньлинь не отрывал взгляда от дверей операционной. Он не расслаблялся ни на миг — пока он не увидит его лично, сердце его будет сковано льдом.

Через десять минут Сяо Чэня вывезли из палаты. Фу Циньлинь первым бросился к нему, продолжая идти рядом с каталкой.

Сяо Чэнь походил на потрепанную тряпичную куклу, которую бросили после того, как досыта наигрались: бледный, безжизненный, словно он даже не заметил бы, если бы с ним начали обращаться как с вещью.

Его мягко уложили на ослепительно белые простыни. Рубашка давно превратилась в мятый комок, волосы прилипли ко лбу, а ресницы, слипшиеся от слез или пота, собрались в пушистые пучки — вид у него был до невозможности трогательный.

Глядя на измученного человека, казалось, что сознание покинуло его тело, а душа унеслась на небеса. Фу Циньлинь сжал кулаки, чувствуя, как сердце разрывается от боли.

Сяо Чэнь всегда умел терпеть. Так было с самого начала.

Его чувства были подобны выдержанному вину: глубокие и густые, они оседали в душе, и никто не мог заглянуть в его истинный мир. Все сводилось к долгой замкнутости и подавленности — он всегда молчал.

Он привык молча стискивать зубы, перенося всё в одиночку. Он не желал делиться с Фу Циньлинем своими переживаниями и даже не хотел, чтобы кто-то вмешивался в его дела.

Раньше, хотя попытки Фу Циньлиня наладить диалог не приносили плодов, Сяо Чэнь справлялся со всем сам, и Фу Циньлинь не расспрашивал его лишний раз.

Но теперь всё иначе. Теперь Сяо Чэнь — это двое. И оба они — его сокровища, каждое из которых бесценно. Фу Циньлинь больше не может позволить себе бездействие, как не может и позволить Сяо Чэню быть таким упрямым.

Фу Циньлинь потер ноющие виски, глядя на людей, снующих в конце коридора.

Пришло время всё изменить. Сяо Чэнь, ты должен начать учиться доверять мне.

Глава 16. Пролились золотые слезинки

Когда Сяо Чэнь медленно пришел в себя, рядом были только Фу Циньлинь и Люлю.

— Где-то болит? — тихо спросил Фу Циньлинь, увидев, что Сяо Чэнь открыл глаза. — Я схожу за врачом.

Полноватый врач пришел, дал несколько простых наставлений и был увлечен Чжан Фугуем в сторону.

Люлю хлопала своими большими глазами, глядя на парочку, которая не спешила разговаривать. Вдруг до нее дошло: супруга не отвечает боссу, потому что сердится на него. Она поспешила объяснить:

— Брат Чэнь, не злись. Все эти слухи — ложь. Нужно доверять своему мужу, разве не так?

Сяо Чэнь, который до этого отвернулся и смотрел в другую сторону, спиной к остальным, услышав слова Люлю, почти спрятал голову в подушку. Виднелось лишь покрасневшее ухо.

Фу Циньлинь заметил этот милый алый кончик уха и понял, что над кем-то подшутили, из-за чего он смутился. Он нахмурился и выгнал Люлю:

— Что ты несешь? Иди работай.

В палате они остались вдвоем.

За окном пролетели две маленькие птички, на небе занялся рассвет. Фу Циньлинь посмотрел на часы и осознал, что они провозились до самого утра.

— Поспи немного, я разбужу тебя к завтраку, — Фу Циньлинь поправил одеяло, заметив, что Сяо Чэнь сжался в комочек и игнорирует его.

Фу Циньлинь взглянул на бугорок под одеялом — он словно заупрямился и наотрез отказывался поворачиваться. Фу Циньлинь вдруг понял, в чем дело.

Он сел на кровать для сопровождающих, откашлялся и почесал затылок:

— В общем… я приехал в больницу, потому что там положили мою маму, а не из-за Цзян Цинъянь. Да… звонила она, но нас ничего не связывает, это была случайная встреча. И еще… я опоздал. Прости.

Сяо Чэнь, до этого кусавший губы, чьи глаза покраснели от долгого плача, услышав сбивчивые оправдания Фу Циньлиня, вдруг обиженно поджал губы. Крупные слезы покатились по щекам, падая на белоснежную наволочку и расплываясь крошечными пятнами.

Вдруг лицо отерли нежные пальцы, и Сяо Чэнь почувствовал, как его приподняли, поддерживая за поясницу.

Сзади стало мягко — это кто-то заботливо подложил подушки.

Сяо Чэнь прислонился к изголовью, на его лице была написана усталость, но покрасневшие глаза были широко раскрыты, и он во все глаза сердито смотрел на этого негодника перед собой.

Однако в глазах Фу Циньлиня даже в гневе Сяо Чэнь был несравненно прекрасен. Его большие глаза подернулись влажной дымкой, губки были обиженно надуты — это выглядело так сердито и в то же время так мило, что Фу Циньлинь не мог отвести взгляда.

Холодная маска неприступности, которую обычно носил Фу Циньлинь, давно исчезла. Между бровей расцвела теплая, весенняя нежность. Он протянул руку, вытер слезы Сяо Чэня и тихо зашептал:

— Это я виноват, что приехал поздно. Не злись, прошу.

Слезы стерли, но в глубине глаз быстро копилась новая обида. Фу Циньлинь, видя это, места себе не находил. Слез становилось только больше, а он не умел успокаивать людей и в растерянности не знал, что делать.

— Я правда с этой… как ее там, Цзян… не знаком. Я примчался ночью в больницу не из-за нее, а потому что не хотел оставлять тебя одного… — Фу Циньлинь повторил это снова, и Сяо Чэнь заплакал еще сильнее. Фу Циньлинь начал ругать себя за косноязычие и принялся торопливо вытирать слезы.

В этот момент в дверях показалась голова Люлю с блокнотом в руках. Она с надеждой смотрела на них, не смея издать ни звука.

Один смотрит яростным взглядом, другой смиренно уговаривает — сцена выглядела в точности как ссора жены с мужем, который довел ее до белого каления.

Мужчины молчат, женщины плачут.

Люлю невольно покачала головой и вздохнула, чем тут же выдала свое присутствие.

— Проваливай.

Фу Циньлинь бросил холодный взгляд, Люлю вздрогнула и, прижимая к себе сумочку, поспешно скрылась за дверью.

Фу Циньлинь тут же сменил выражение лица на мягкое и терпеливое. Он взял маленькие ладони Сяо Чэня в свои и принялся поглаживать их, шепча:

— Теперь никого нет, поспи немного, хорошо? Если продолжишь так плакать, твое тело не выдержит.

Глава 17. Что с того, что супруга ревнует?

Слезы Сяо Чэня с трудом удалось остановить. Он выплакался так, что длинные ресницы слиплись в пучки, щеки алели, губы были плотно сжаты, а руки крепко вцепились в одеяло. Вид у него был настолько трогательный, что никто не смог бы на него злиться.

Увидев, что Сяо Чэнь больше не плачет, Фу Циньлинь погладил его по лицу и понизил голос:

— Даже ресницы намокли от слез, всё роняешь свои золотые слезинки.

Сяо Чэнь хотел, чтобы его утешили, но при этом не желал так просто прощать Фу Циньлиня.

Его переполняла обида, которую некуда было выплеснуть, поэтому он дул губы, не желая ложиться, и продолжал упрямо сверлить его взглядом своих влажных глаз.

У Фу Циньлиня не было выхода.

Он поднялся, на его лице внезапно проступила серьезность. Он постоял у края кровати, а затем, словно приняв окончательное решение, наклонился и легко коснулся губ Сяо Чэня поцелуем, легким, как крыло цикады.

От Фу Циньлиня исходил приятный холодный аромат, его губы были мягкими и нежными, как желе. Поцелуй продлился всего две секунды, но это ощущение разлилось по груди Сяо Чэня, превращаясь в оглушительный барабанный бой.

Сяо Чэнь ошеломленно позволил положить себя обратно на подушки, поддерживаемый за плечи и затылок, и лишь растерянно смотрел, как его укрывают одеялом.

Люлю за дверью прикрыла рот рукой, чтобы не закричать от восторга.

Уложив Сяо Чэня, Фу Циньлинь обернулся и бросил взгляд на сияющую Люлю:

— Подойди.

http://bllate.org/book/30271/3690721